

Юрий Никитин

Оппант принимает бой

*Часть сборника
Далекий светлый терем
(сборник)*

Юрий НИКИТИН

Оппант принимает бой

«ЭКСМО»

1996

Никитин Ю. А.

Оппант принимает бой / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1996

«Оппант проснулся с тревожной мыслью о Куполе. Жизнь всего Племени зависит от прочности Купола. Только он отгораживает от ядовитого воздуха, испепеляющего зноя летом и всесокрушающей стужи зимой. Только Купол отделяет от чудовищных животных планеты. Большинство живых существ превосходят любого терма по размерам и массе в десятки раз. Иные – в сотни и даже тысячи. Могут ли медлительные и беззащитные термы выстоять против них? К тому же нет не только рогов, жала или ядовитых желез – нет даже пассивной защиты: панциря! Нежные незащищенные тела термов повреждает любая царапина...»

© Никитин Ю. А., 1996

© Эксмо, 1996

Юрий Никитин

Оппант принимает бой

Оппант проснулся с тревожной мыслью о Куполе. Жизнь всего Племени зависит от прочности Купола. Только он отгораживает от ядовитого воздуха, испепеляющего зноя летом и всесокрушающей стужи зимой. Только Купол отделяет от чудовищных животных планеты. Большинство живых существ превосходят любого терма по размерам и массе в десятки раз. Иные – в сотни и даже тысячи. Могут ли медлительные и беззащитные термы выстоять против них? К тому же нет не только рогов, жала или ядовитых желез – нет даже пассивной защиты: панциря! Нежные незащищенные тела термов повреждает любая царапина...

Каждый член Племени в первую очередь думает о надежности Купола. О том, как сделать его еще неуязвимее.

Все, сказал себе Оппант. Все думают, кроме неистового Итторка, самого талантливого и самого нетерпеливого из термов...

Мысли Оппанта переключились на Итторка. Едва не больше всех в Племени Оппант восхищался разносторонностью Итторка, его умением мгновенно принимать решения, видеть суть проблемы, форсировать результаты... Такие умы появляются раз в миллион лет, если не реже, и вокруг них всегда бурлит жизнь, а чересчур осторожным термам бывает тревожно.

Пристыженный Оппант выкарабкался из ниши, где спал, и настроение сразу упало. Сегодня должен нести караул в покоях Основательницы, а это казалось интересным только в первый раз. Из двенадцати почетных стражей он – единственный из высшего стаза! С кем перемолвиться?

Неохотно он поплелся по туннелю, ведущему в нижние ярусы. По дороге с удовольствием позавтракал, приняв корм у фуражира с раздутым брюшком. Ощувив приятную сытость, побежал несколько резвее.

Дважды просили корма белесые недоросли. Оппант с трудом подавил врожденный рефлекс дележа кормом, презрительно разогнав белопузиков. Они испуганно расступились, и Оппант помчался дальше, стараясь задушить тягостное чувство. Дележка кормом – врожденный акт. Дающий получает такое же удовольствие, как и получающий. Еще миллионы лет тому термы перестали голодать, но ритуал остался. Лишь около сотни тысяч лет назад среди молодежи высшего стаза пошла мода подавлять врожденные рефлексy, ставить волю и разум выше позывов слепого организма...

Трижды обменяться кормом все же пришлось. То были темные термы, один совсем черный. А старым особям Оппант отказать не мог. Пусть даже из низших стазов. Это не рефлекс, как сказал он себе в утешение, а проявление уважения к старшим. Так что на самом деле за всю дорогу ни разу слабости не поддавался, зато трижды проявил гражданское понимание Единства и Выравнивания.

Дальше бежал в приподнятом настроении. Хорошо, когда свои потребности совпадают с интересами Племени...

Навстречу, шелестя лапками, струился поток желтых термов-нянек. Каждый держал в жвалах крохотное яичко. Воздух был пропитан приятным возбуждающим запахом благополучия. Няньки один за другим ныряли в узкий туннель, куда не протиснуться термам более крупных стазов. Там, надежно защищенные толстыми стенами, находятся камеры драгоценного молодняка, будущее племени. Там проходит первая линька, оттуда белопузиков переносят в следующую камеру, затем еще дальше, пока не заканчиваются все пятнадцать линек, а первые белесики робко вступают в мир взрослых термов.

Чем ниже Оппант опускался, тем влажнее был воздух, и тем больше попадалось термов. В последнем туннеле, что вел к покоям Основательницы, его захлестнула волна фуражиров,

которые со всех ног неслись, толкаясь и суетясь, ко входу в царскую палату. Каждый бережно держал на весу переполненное сладким соком брюшко. В туннеле стоял шелест множества лап, легкий хруст сталкивающихся хитиновых панцирей. Воздух был пропитан обрывками разговоров на простом языке феромонов.

Оппант любил толчею, сильный запах. Жизнь бурлила. Племя растет, его мощь усиливается, здоровье крепнет, жизнеспособность выросла стократ!

На мгновение Оппант остановился перед входом в царскую палату. Там кипел водоворот тел. Одни прорывались в палату, неся корм, другие выскакивали оттуда с опустевшими брюшками, зато бережно держали в жвалах драгоценные белесые яички. Оппант лишь однажды подержал такой зародыш жизни. Тугое, едва слышно пульсирующее яичко, упругая пленка, а внутри упрятана великая тайна...

Его толкали со всех сторон, он тоже толкался, ощущая древнее сладостное чувство единения с Племенем, и даже ощутил сожаление, когда в покоях Основательницы поток рассыпался во все стороны, и он смог дальше двигаться без помех.

Основательница возлежала в центре огромного богато украшенного зала. Сперва Оппант увидел только белесый холм продолговатой формы, похожий на короткого червя гигантских размеров. Это было невероятно раздутое брюшко царицы. Вокруг нее толпились няньки и фуражиры, наперебой предлагая пищу Основательнице, слизывали с ее тела возбуждающую влагу, выхватывали из кончика брюшка выдвигающиеся яички, бережно относили в сторону, облизывали, торопливо передавали другим термам или же спешно уносили сами...

Вокруг царицы стояли панцирники. Почти вдвое крупнее остальных термов, а силой даже превосходящие мэлов. Однако мэлы – неразумная сила, панцирники же следующий за мэлами стаз, у них зачатки разума, они знают язык феромонов. Конечно, это самый примитивный из всех трех языков, но все же язык.

К Оппанту приблизился, сильно прихрамывая, старый черный терм. Это был Юваннап, начальник почетной стражи. Оппант присел, замахал сяжками, членики на жвалах мелко вздрогнули. Юваннап терм высшего стажа ноостер, ревниво относится к внешним знакам почитания, обижается как юный белесик, если кто-то при встрече с ним пропускает хоть один из ста сорока ритуальных жестов. Правда, при сяжечном обмене знаками это занимает две секунды, но все же...

– Сменишь Ывакка, – сообщил Юваннап торжественно.

Ывакк стоял в двух шагах от огромного серого панцирника. По другую сторону Ывакка высился черный терм с непомерно толстыми передними руками.

– Что за глупость, – пробормотал Оппант, не сдержавшись. – Разве нельзя поставить меня рядом хотя бы с термом среднего стаза?

– А что тебе не так?

– Словом перемолвиться не с кем!

Юваннап сказал обидчиво:

– В покоях Основательницы любые разговоры неуместны и непристойны! Стража должна бдительно и со священным трепетом впитывать запах и благоухание тела царицы. Возможность лицезреть Основательницу – разве не величайшая честь?

– Честь, – пробормотал Оппант.

– Не слышно.

– Великая честь! – заявил Оппант треском ножек и взмахами сяжек.

Юваннап кивнул, а Оппант повел глазом на стражей. Все стояли головами наружу, готовые защищать Основательницу от опасности, так что на царицу смотрели не глазами, а менее уважаемой частью тела. Шуточки на подобные темы были в ходу среди свободомыслящей молодежи, но тугодумный Юваннап смертельно бы обиделся, услышь что-то подобное.

Ывакк с облегчением перевел дух, когда Оппант молча остановился перед ним, делая церемониальные жесты. Незаметным наклоном члеников сяжек Ывакк успел сообщить, что панцирник слева – невыносимая, но опасная скотина, а рабочий справа – добрый малый, но неразвит, от восторга трепещет...

Оппант занял место Ывакка, а Юваннап еще несколько мгновений стоял перед Оппантом, словно бы отыскивая, к чему придраться. Оппант сделал преувеличенно торжественную стойку, напустив на себя глупый и радостный вид, и довольный Юваннап торжественным шагом похромал вдоль параболического кольца стражи.

Оппант раздраженно переступал с ноги на ногу. Пусть панцирники стоят в полной неподвижности, если желают. Это вообще только их дело – защита Племени. Раньше охрану покоев царицы несли только они. Огромные, свирепые, с крепкими жвалами – они здесь на месте. В древние времена враги иной раз вторгались даже в царские покои...

Волна реформ пошла только после Второго Осознания. Племя быстро разрослось и окрепло, ощутило себя в полнейшей безопасности, и как раз тогда разросся высший стаз – двадцатый! – термов, которые не годились ни для войны, ни для строительства... Но у них было больше всего ганглий, они умели мыслить быстрее всех и лучше всех. Они начали проводить реформы, в том числе и такие нелепые, как смешанная стража...

Оппант осторожно повел головой, рассматривая остальных. Двадцать термов. По одному от стаза. Стоят вразбивку, чтобы высокие стазы не группировались. Воспитывают чувство равенства перед Племенем. Глупо, перегиб.

Ему показалось, что он улавливает какой-то шелест. Медленно повернул голову, прислушался.

– Оппант! – донеслось до него яснее. – Это я, Умма...

Волна жара хлынула ему в лицо. Глупец, не заметил за огромной тушей панцирника Умму! А этот глупец Юваннап нарочно разделил их, поставив посредине панцирника?

У него сердце переполнилось нежностью при виде Уммы. От нее веяло теплом и уютом. Рядом с Уммой, словно для контраста, стояла неуклюжая Длота. У нее голова была непропорционально велика, на жвалах виднелись неприятные зазубрины. У нее, как и у Уммы, нижний валик брюшка раздулся от четырех созревших яйцекладов, но это вовсе не волновало Оппанта. Наоборот, ее хлещущее изо всех ноздрей здоровье казалось отвратительным, слишком приземленным, хотя Длота явно превосходила Умму по ряду интеллектуальных параметров.

И все-таки Умма была самым одухотворенным, самым нежным, самым понимающим существом в Племени. Длоту Оппант уважал, прислушивался к ее мнению, но ради Уммы готов был выбежать из Купола и сражаться со всеми хищниками Вселенной. Конечно, такие грезы достойны разве что безмозглого панцирника, однако разум при виде Уммы молчал, вместо него кричали и пели все шесть эмоциональных и довольно безалаберных сердец.

Сейчас Оппант смотрел на ее нежное просвечивающее тело и не находил слов. У нее аккуратная голова, от которой словно бы исходит золотое сияние, внимательные ласковые глаза, которые словно бы гладят его невидимыми сяжками, а сами сяжки грациозно колышутся над ее глазами, приветствуя весь мир, радуясь жизни.

Все шесть ножек у нее стройные, и когда Умма двигалась, на нее оглядывались даже белые термики, которым еще линять и линять, пока начнут постигать начала прекрасного.

Рожденная «царицей в комбинезоне», Умма могла бы заменить в любой момент Основательницу, если бы та состарилась или погибла. Однако после Второго Осознания царский титул терял значимость. Если раньше каждый из дублеров мечтал занять место в царских покоях, то сейчас все больше молодежи высших стазов отдавали себя науке, философии, миропознанию, строительству, уходили в образователи молодняка... Конечно, желающих на место царицы еще много, но Умма ни за что не согласится превратиться в разжиревшую самку, постоянно откла-

дывающую яйца. К счастью, в их мире, где достаточно одной Основательницы для Племени, понижение рождаемости не грозит.

Умма занималась с упоением всякого рода исследованиями, перепрыгивая с предмета на предмет. У нее ганглий меньше, чем у Оппанта, но, к его удивлению, она преуспевала за счет неиссякаемой энергии и жизнелюбия. Сам Оппант, утомившись за день, заползал в нишу, мечтал отоспаться, а она еще прыгала, вертелась, ходила на голове, верещала и приставала с расспросами.

С ней было трудно, но с ней он был счастлив. Это не червяк, откладывающий яйца, а нежная Умма, жадно мыслящая, полная идей, хоть и нелепейших, жаждущая перестроить жизнь Племени, улучшить, дать всем счастье, решить разом все проблемы.

– Умма, – прошептал он нежно, мучаясь от того, что термы средних стазов, к которым принадлежала Умма, слабо владеют богатейшим идеомоторным языком, – как ты здесь оказалась?

– Плоды равноправия, – ответила она тоже шепотом. – Мы с Длотой первые из женщин в почетной страже, но не последние!

– Глупость это, а не равноправие, – ответил он. – Даже нам, ноостерам, здесь нечего делать. Зачем отбивать корм у воинов?.. Ладно, оставим эти проблемы мудрецам Совета. Ты что делаешь после стражи?

– Наверное, отосплюсь, – предположила она. – Я уже забыла, что это такое...

Внезапно панцирник, что стоял между ними, грозно щелкнул жвалами. Его огромная литая голова повернулась из стороны в сторону. Маленькие глазки, укрытые прочными пластинами, прошли сперва по Умме, затем по Оппанту. На Оппанте он остановил очень долгий взгляд, и Оппант присел, не в силах смотреть в лютое лицо. Голова панцирника была огромная, крохотные глазки прятались в узеньких щелях, страшные жвалы почти в половину роста Оппанта. Даже туловище, мягкое и незащищенное у других термов, у панцирника укрыто прочным хитином. Это был лютый зверь, легко приходящий в ярость, злобный и подозрительный. Однако панцирники в последние тысячи лет обрели первую форму разума... Совет же предоставил всем стазам равные права. Нет ли и здесь ошибки? Не поспешили ли?

– Да храни нас Купол! – воскликнул Оппант, преодолевая страх. – Еще не скоро сотрутся различия между стазами. Мир будет иным, и горы будут другими.

– Говори тише, – попросила Умма. – Я боюсь! Может быть, он понимает нас.

– Он воспринимает только шум, – ответил Оппант неуверенно. – Звуковая речь для них все еще недостижима... из-за сложности.

– Все равно говори тише. Он раздражен...

Она умолкла. Вдоль цепи почетной стражи вышагивал Юваннап, бдительно всматриваясь в лица. Ему приходилось то наклоняться, то задираť голову, ибо здесь стояли рабочие, разведчики, строители колодцев, техники, учителя... все разного роста, сложения. И напыщенно-серьезный Юваннап выглядел нелепо.

Оппант задержал дыхание, вытянулся в самой почтительной стойке. Умма замерла, лицо ее светилось подлинным восторгом. Оппант полагал, что польщенный Юваннап кивнет и довольно проплывет, качаясь на хромой ноге, но начальник почетной стражи остановился перед Оппантом. Ему явно льстило, что под его началом оказался терм двадцатого стаза, того самого, который никому не подчинялся, а сам руководил жизнью Племени.

– Больше напряжения в члениках передней первой ноги, – сказал Юваннап наставительно, – ровнее сядки... Вот теперь хорошо!

Оппант насмешливо фыркнул ему в лицо. Юваннап передернулся от негодования, быстро отодвинулся к соседнему стражу – землекопу с лопатовидными лапами. Тот тянулся, трепетал от почтительности всеми могучими мускулами.

– Надутый червяк, – сказал Оппант громко, когда Юваннап удалился. – Даже не верится, что он из стаза, близкого к нашему.

– Умоляю тебя, – прошептала Умма отчаянным шепотом, – говори тише! Я боюсь!

– Ты слишком чувствительна, – сказал Оппант успокаивающе, – под Куполом бояться абсолютно нечего...

– Я знаю, но все равно боюсь. Разве ты не чувствуешь?

– Ты устала...

Договорить он не успел. Тело свело судорогой, в дыхательные трахеи ударил тяжелый запах, Оппант в страхе услышал на языке феромонов:

– Я Тренг!.. Я Тренг!.. Я беспощадный Тренг!!!

– Ну и что? – прохрипел Оппант.

– Я сильнее всех в Племени! – накатилась вторая волна запаха.

Сдавленно крикнула Умма. Ее тоненькая фигурка пошатнулась, начала опускаться. Рабочий беспокойно шевелился, таращил глаза. Оппант с трудом удерживал панику под контролем. Панцирник стоял всего в двух шагах, и Оппанту казалось, что он нависает, как одна из колонн, поддерживающих Купол.

– Что хочет этот говорящий зверь? – спросил Оппант нервно Умму. – Я не пойму... Он нам представляется?

– Я боюсь, – прошептала Умма.

– Панцирника?

– Боюсь его и боюсь... за тебя.

– Почему? – воскликнул Оппант пораженно. – Это же не ритуальный вызов на схватку?

– Я не знаю... Я только слышу опасность.

Оппант ощутил новый сильнейший запах, очень резкий, ядовитый. Он обомлел, ибо услышал свирепое притязание на Умму и угрозу всем, кто общается с нею!

Оппант был так рассержен, что не успел подумать, как у него почти сам собой вырвался ответ на этом же примитивном языке запахов:

– Марш на место, дурак!.. Помни, кто ты есть. Занимайся только своим делом.

Панцирник молниеносно повернулся к Оппанту. Его страшные жвалы широко разомкнулись. Оппант едва успел отпрыгнуть и прижаться к полу, как прямо над головой жутко хрустнуло. Панцирник быстро опустил голову, снова разводя жвалы, но Оппант уже шмыгнул за спину рабочего, который застыл в страхе.

– Все на места! – услышали они истошный вопль на языке феромонов. – Все на свои места! Как посмели в зале Священной Основательницы...

К ним спешил, еще больше припадая на хроющую ногу, разъяренный и напуганный Юваннап. Панцирник колебался, все еще угрожающе разводя страшные челюсти, способные рассечь терма пополам, затем неохотно шагнул на свое место. От него еще шел запах, уже едва уловимый, затихающий:

– Я Трэнг... Я Трэнг...

Юваннап подбежал к Оппанту, что еще неохотнее стал на свое место рядом с панцирником:

– Оппант!.. Это опять ваши штучки? Недовольство, сумятица, неразбериха...

– Ничего себе сумятица, – ответил Оппант, тяжело дыша. – Этот дурак рехнулся? Он бросился на меня!

– Скоро я сам на тебя брошусь, – пообещал Юваннап лютю. – Где ты появляешься, там обязательно что-то случается! Буду настаивать в Совете, чтобы вас перевели из двадцатого стаза куда-нибудь пониже. Тем более что вы только наполовину ноостер.

– Умнее было бы отменить эту нелепую стражу вовсе, – огрызнулся Оппант. – Каждый должен быть на своем месте, заниматься своим делом. А чем занимаемся мы?

– Это не нам решать, – бросил Юваннап.

Он отошел от них, часто оглядываясь. Оппант видел с тревогой, что теперь на него поглядывает настороженно не только Юваннап. Его многие считали переходной формой между девятнадцатым стазом разведчиков, изредка покидавших Купол, и двадцатым, потому что только термы двадцатого стаза владели сложнейшим языком жестов. Оппант владел идеографическим языком, недоступным термам других стазов, однако у него вместо хрупкого тела Мыслителя был прочный скелет, неплохие мышцы, и он любил бывать в опасных дальних туннелях и даже подниматься к выходам из Купола.

И теперь он стоит в нелепом карауле! Не то терм двадцатого стаза, не то девятнадцатого, не то вообще неизвестно какого. Стоит, боясь бросить взгляд в сторону Уммы. Ее по-прежнему заслонял Трэнг, крепкохитиновый зверь-убийца, который с угрожающим видом следит за каждым движением Оппанта.

Наконец Умму сменили, она покинула царские покои. На Оппанта оглянуться не рискнула, настолько был страшен Трэнг. Вскоре сменили и Оппанта – по реформе старались дать побывать возле священной особы Основательницы как можно большему числу термов.

Он ушел к себе, кляня дурость такой реформы. Идея уравнивания стазов абсолютно верна, но в претворении в жизнь что-то неверное. Во всяком случае, раньше панцирники свое место знали. И никогда не было унижительного страха перед панцирником своего же Племени!

А через три больших кормления, когда Оппант занимался размышлениями, в его нишу заглянул юркий быстроногий термик.

– О терм двадцатого стаза! – провозгласил он торжественно. – Тебе послание!

– Давай, малыш, – ответил Оппант дружелюбно, с ходу ломая длинный торжественный ритуал. – Что требуется? Дальняя разведка в новых туннелях?

Термик затрепетал от счастья:

– Нет, терм двадцатого стаза. Тебя приглашают явиться на Совет Мудрых.

– Меня? – удивился Оппант. – Ты ничего не перепутал, малыш? Не перегрелся в сухом воздухе?

Термик-скороход даже порозовел от такого дружеского обращения терма высшего стаза.

– Я ни разу не был в сухом воздухе, – признался он. – Нам не положено!.. Я слышал только, да и то издали, что на Совет тебя приглашают по настоянию великого Итторка.

– Когда?

– После вечернего кормления.

У Оппанта зануло внутри от недоброго предчувствия. Стараясь не выдать страха, он дружески бросил:

– Передай, что я все понял и приду без опозданий.

Молодой термик согнул сяжки в почтительном поклоне, умчался. В его обязанности не входило сообщать подробности, это была заслуга Оппанта, что термик-скороход выложил ему подслушанное. Правда, Оппант даже не успел порадоваться своему умению ладить со всеми стазами, слишком уж оглушило услышанное. Пригласили по настоянию великого Итторка! Уже и скороход рядом с его именем ставит титул «великий»... Что могло заинтересовать Итторка? Они едва знакомы. Все термы стаза ноостер хорошо знают друг друга, общаются обычно только между собой, упражняются в логических играх, оттачивают мастерство языка. Итторк знал всех – это естественно. Но почему выделил Оппанта?

Стараясь овладеть паническими мыслями, Оппант медленно побрел по главному туннелю. Здесь была обычная деловая суতোлка, и он покормился у фуражира, обменялся кормом со старым термом своего стаза, повстречался с выжившим из ума чернеющим термом высшего стаза, который с ходу отчитал его за неуважение к старшим, забвение священных обычаев Племени, пренебрежение обязанностями... Он еще долго обвинял Оппанта, но тот уже не слушал, только покорно кивал сяжками, приняв ритуальную позу смирения.

Мысли метались, хаотически сшибая одна другую с ног. Неужто дознались о его замысле? Правда, он не особенно скрывал, тайну не сохранишь, если к ней причастны еще с десяток термов, но он старался, чтобы новость достигла глубин как можно позднее. В Совете одни старики, а старики всегда стоят за сохранение обычаев, незыблемость, недвижимость, строжайшее исполнение всех ритуалов.

– Начинаются неприятности, – пробормотал он, – а я, как всегда, к ним не готов.

* * *

Еще год назад ему пришла в голову идея взглянуть на Купол и окрестности с высоты. Он не был крылатым, естественно, да и крылатые термы могли держаться в воздухе не больше двух-трех минут, у многих уже в воздухе обламывались крылья, и они падали на землю, беспомощно кружась вокруг оси, после чего на земле гибли все до единого. Оппант задумал подняться над Куполом в наполненном легким газом мешке.

Долго он наслаждался идеей, считал ее только лишь игрой ума, привычной для ноостеров, затем постепенно начал наращивать подробности, пока не пришел к потрясшему его самому выводу, что идея жизнеспособна. Конечно, существовал целый ряд трудностей, но теоретически они преодолимы все!

Летучий газ и так получался как побочный продукт в грибных садах, мешок можно сделать из клея, который рабочие-носачи вырабатывают в особых железах... Чтобы не унес ветер, мешок следовало прикрепить на прочный эластичный тяж. При малейшей опасности, которую тут же заметят наблюдатели на мешке, его можно довольно быстро втянуть обратно в Купол. Таким образом вне Купола на высоте впервые побывают термы высшего стаза, а не безмозглые крылатые, которые, кстати, все равно не возвращаются, ибо по природе им заказано возвращение...

Оппант поделился идеей с друзьями, еще два года убеждал в ее реальности, а с прошлого года начались неторопливые работы под его руководством. Амманк занимался грибными садами, Умма искала состав клея, который, застывая, не окаменевал бы, а третий терм по имени Бюл вот уже третий месяц пробивал узенький туннель из Предкуполья к грибному саду. Ему приходилось облицовывать стенки клеем, чтобы газ не уходил по дороге в поры, так что работы ему было еще на год-два. Оппант же координировал усилия, решал множество мелких проблем, возникающих по ходу работы.

Из Купола опасно было выходить еще и потому, что плотные массы воздуха тут же сметут, бросят далеко-далеко... Кого сметет ветер, тот уже не возвращается. Сухой воздух, хищники, зной...

За историю Купола много раз приходилось оставлять на погибель многих термов, если те оказывались вне Купола. Иногда ненароком повреждали Купол вовсе чудовищные звери, огромные, как горные хребты, от поступи которых дрожал мир, а земля тряслась. Тогда в пролом врывались страшные понеры: быстрые, как молния, неуязвимые, кровожадные... Они всегда рыщут вокруг Купола в надежде перехватить случайно попавшего за Купол беспомощного терма, и стоит им обнаружить пролом, стоит одному вернуться в свое логово с добычей и информацией, как тысячи и тысячи лютых истребителей термов выплескиваются из подземных нор, чтобы броситься по указанному следу.

Единственное спасение – перекрыть туннели за спинами панцирников и тех термов, которые оказались в верхней части... Пока понеры уносят в свои страшные норы несчастных, рабочие замуровывают крепчайшим клеем все туннели.

Бывали и критические моменты в истории термов, когда какие-то чудовищные звери зачем-то намеренно разрушали Купол. С термами они не расправлялись, эти живые горы даже

не замечали таких крохотных существ, но тут же снова подоспевали самые лютые и непримиримые понеры... Несколько раз удавалось уцелеть только Основательнице с ее царственным супругом да малой кучкой рабочих, которые успевали замуроваться в единственной крохотной ячейке!

И всякий раз все отстраивалось заново. Спасти потомство, спасти Основательницу, тогда весь мир может быть отстроен снова и снова. А всех-всех, оставшихся вне закрытой от врагов части, приносили в жертву...

Оппант всякий раз чувствовал печальную гордость, когда думал о самоотверженности термов. Самые беззащитные в огромнейшем жестоком мире, окруженные морем кровожадных хищников – все-таки уцелели! И не только уцелели, но и построили свой мир. Структура Племена постоянно усложняется, последнее время каждые пять-десять миллионов лет появляется новый стаз, более высокий, чем предыдущие... Ноостеры надстроились над остальными стазами всего миллион лет тому, и сразу же произошло Второе Осознание! Первое – когда мыслить начало Племя, а термы как и раньше оставались бездумными тварями, а второе – когда появился стаз ноостеров, каждая особь которого тоже осознала себя, потрясенно поняла, в каком мире живет.

Именно с этого момента история Племена поднимается на совершенно новый уровень!

За миллион лет после Второго Осознания накопились сведения о Мире. Теперь его Мыслители уже отделяли от остального мира. Дело в том, что за Куполом, в котором находился мир термов, простирался другой мир, огромный и негостеприимный. Там всюду сухой воздух, перенасыщенный ядовитым кислородом. Летом зной делает землю твердой, как камень, грозит уничтожить терма за считанные секунды, если тому случилось бы попасть под палящие лучи Великого Пожирателя, а зимой лютый холод сковывает воздух, замораживает влагу, и опять же делает землю твердой, как мертвый камень.

Только летом в считанные часы после обильного дождя и после заката Великого Пожирателя можно было бы на короткое время выбраться из Купола – прогретый воздух становился влажным и мягким. Но вне Купола над термами висела самая страшная опасность...

Большой мир полон страшнейших хищников, которых самая буйная фантазия термов не могла вообразить. Во-первых, почти не существует существ слабее и беззащитнее термов. Все вне Купола облачены в страшную непробиваемую броню из прочнейшего хитина. Она защищает наземных существ, как недавно узнали термы, от высыхания, в то же время служит надежной защитой от многих врагов.

От многих, но не ото всех. В большом мире на всякого страшного хищника находился страшнейший, на гиганта – чудовище втрое крупнее, и так все больше и дальше. Самыми крупными были странные существа, размером с движущиеся горы, которые иной раз превосходили по размерам даже Купол. И не только Купол, но и весь Мир, считая и всю подземную часть.

Были предположения, что такие существа в состоянии отгородиться от Среды, поддерживать собственный обмен веществ и постоянную температуру, но доказательств не было. Кто-то высказал догадку, что даже в лютую зиму, когда вода превращается в твердое состояние, эти существа способны функционировать и даже передвигаться по замерзшей поверхности... Это так и осталось игрой ума, оригинальным предположением, ибо термы зимой сами впадали в оцепенение, хотя находились в глубинных, сравнительно теплых слоях почвы, так что даже сведения о твердом состоянии воды являлись всего лишь теорией, подтвержденной лишь косвенными данными.

Оппант давно интересовался классификацией внекупольных существ. В этой классификации было много пробелов, неточностей, неясных мест, вызванных трудностями добывания сведений. Совсем недавно появились сведения о каммах, недавно возникшем виде гигантов, которые якобы научились передвигаться на двух задних ножках, а передние будто бы исполь-

зовали в подражание термам вместо жвал. Средней пары у них, как и у всех сверхкрупных чудовищ, не было...

Он бежал все ниже по туннелю, а навстречу поднимались влажные испарения, воздух становился все тяжелее, насыщеннее. Владыка грибных садов, Амманк, был одним из членов Совета, он заведовал едва ли не важнейшей частью Мира: грибницами, где хранились драгоценные яички – зародыши Племена. Там же первое время обитала молодежь, питаясь грибными гифами, так что если бы даже Совет Владык сократить наполовину, Амманк все равно остался бы в Совете.

Когда Оппант вынырнул из последнего туннеля, все шесть сердец учащенно забились. Только здесь Мир был таким, каким он должен быть. Каким был в древние времена...

Всю исполинскую пещеру занимал огромный ячеистый шар, весь переплетенный нежными белыми гифами. Все толстые и тонкие нити были усеяны крупными каплями воды. Воздух здесь влажный и такой плотный, что, будь у Оппанта крылья, он легко бы взлетел и долго не опускался бы на землю.

Он тяжело вздохнул, влажный воздух шумно потек через трахеи. В период Взлета крылатые термы лишь на краткий миг поднимаются в сухой разреженный воздух! А когда-то, в древние времена, эти крылья держали термов легко и свободно...

Амманк, завидя Оппанта, поспешил навстречу. Дружески коснувшись сяжками плеча, он пренебрег ритуальными жестами, сказал сразу:

– Я сделал замеры. Если провести туннель через потолок из грибного зала, то выделяемого газа хватит, чтобы раздуть эластичный мешок. Но туннель должен быть абсолютно непроницаемым. Малейшая щелочка вызовет утечку. Ты это знаешь?

– Я договорился с Бюлом, – сказал Оппант торопливо. – Он уже начал строить туннель.

– Отсюда? – удивился Амманк.

– Нет, прямо из Подкуполья. Туннель очень узкий, один рабочий едва протискивается. Сложность будет еще в том, что необходимо очень плотно прижать края мешка, чтобы газ не ушел в сторону, а раздул Мешок. Я думаю, что края надо будет приклеить...

Амманк отмахнулся:

– Если бы сложности только в этом! А как набрать необходимое количество газа? Как быстро вскрыть Купол по размерам Мешка? И тут же заделать, чтобы не ворвались лютые понеры... Мне кажется, эти твари так и дежурят вокруг Купола! Еще я не уверен, что сама затея с Мешком удастся. Ты уверен, что из нашего клея можно создать такой, чтобы, застывая в воздухе, не затвердел, как обычно, а сохранил эластичность?

– Я ни в чем не уверен, – сказал Оппант уныло. – Никто никогда такого не проделывал за всю историю Племена. Мне не на кого сослаться, оглядываться, но Умма уверяет, что такой материал она создаст. Остальное за нами.

– За тобой, – уточнил Амманк педантично. – Каждый делает свою часть работы и совершенно не понимает, что делают другие. Только ты охватываешь взглядом все!

Новый туннель еще не успели отделать абсолютно матовым слоем, только скрепили быстросхватывающимся клеем, на Оппанта кое-где сыпались мелкие камешки. Он жадно вдыхал свежие незнакомые запахи. Это потом, когда туннель отделают и укрепят толстым многослойным клеем, чужие запахи перестанут проникать, тогда туннель станет еще одной артерией Мира, наглухо отделенной от чужой Вселенной, но сейчас эти новые туннели походили на выдвинутые вперед сяжки, которыми термы настороженно и пугливо ошупывали Неведомое...

Оппант чувствовал радостное возбуждение. Здесь масса нового, здесь со всех сторон обрушиваются запахи, которых никогда не слышал, здесь в стенах туннеля вкрапления крохотных животных и скелеты крупных, остатки растений...

Что всегда изумляло и повергало в священный трепет, так это то, что многие из таких животных имели больше ганглий, чем самые мудрые из ноостеров! Однако разумными так и не стали! Мудрецы объясняют это тем, что те ведут одиночный образ жизни, а разум возможен только в едином Племени... Но Оппант иногда с суеверным страхом думал: каких вершин, какого могущества достигли бы эти существа, если бы тоже сумели объединиться и обрести хотя бы Разум Первого Скачка?

Видя этих существ, он с новой силой восхитился пластичностью Племени. Основательница откладывает совершенно одинаковые яички, из которых вылупляются совершенно одинаковые термики. Крохотные, беззащитные, прозрачные – они еще ничем не отличаются друг от друга. Кто глупый мэл, кто панцирник, кто строитель, а кто и ноостер – узнается только после третьей-четвертой линьки. А пока что они чутко реагируют на запросы Племени... Нужно больше панцирников – термики начнут оформляться в свирепых крупноголовых существ с огромными жвалами. Понадобятся рабочие – тут же крохотные малыши начнут старательно выращивать могучие передние лапы... В зависимости от потребностей Племени из термиков младенческого возраста формируются то крылатые будущие продолжатели рода, то рабочие-строители, то рабочие-техники, то няньки, то обучатели молодняка...

В последние тысячелетия все больше и больше появляется мудрых ноостеров. Оппант ощущал гордость и некоторый страх. Никто в Племени не возникает без причины. Зачем-то Племени потребовались термы с огромным количеством ганглий. Племя теперь постоянно разрастается, но стаз ноостеров увеличивается быстрее других стазов!..

Прямо в узеньком туннеле впереди барахтался термик пятого возраста. Лежа на боку, судорожно отгибал назад голову и ноги, тужился, напрягался, поскрипывал. Брюшко выпятилось, тонкая рубашка на спине уже лопнула, можно было сбрасывать ее со спины и головы, но молодой дурень еще не соображал, что делать, и все выгибался, ерзал...

– Ты пятого возраста или первого? – спросил Оппант сурово.

– Пятого.

– Пора бы уже уметь!

Чуть дальше встретил еще одного, уже полинявшего. Прозрачный, слабенький, он едва стоял посреди туннеля на дрожащих ногах, на которых висели клочья старой кожи. Пробегавший мимо рабочий принялся тут же сгрызать крепкими челюстями лохмотья, освобождая термика. Оппант негодуяще фыркнул, и рабочий, повинувшись мудрому ноостеру, подхватил термика и тут же исчез в боковом туннеле.

Оппант ощутил сильный запах молодняка. Короткий туннель шел в пещеру, где термы пятого возраста линяли, затем застывали в долгом состоянии покоя, недаром же линяльщики стали попадаться даже в коридорах... В последние годы Племя разрастается просто стремительно. Никогда раньше так не было, и как ни поступи – почти все в первый раз, впервые...

Оппант буквально чуял в воздухе быстрые и неотвратимые перемены. Всю многосотмиллионлетнюю историю термов они руководствовались накопленным опытом, и ответы были как будто бы на все вопросы и на все мыслимые ситуации. Так и было, но после Второго Осознания стали появляться новые проблемы... А вот теперь, уже при жизни Оппанта – исчезающе ничтожный срок! – они пошли одна за другой. И эти новые приходится решать, не оглядываясь на прошлый опыт, потому что термы прошлых поколений с такими ситуациями не сталкивались.

Еще издали увидел Умму. Не видя его, она все так же экспериментировала с эластичным клеем, который выделяли термы-носачи. Этот универсальный клей годился и для укрепления Купола, и для связывания сводов и галерей, применяли его и против прорывающихся в Купол хищников. Клей быстро застывал, превращаясь в камень, и любой хищник погибал, ибо носачи умели метать сгустки клея прямо в глаза, в пасть, набрасывали на челюсти тугие петли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.